

A person in a dark field looking up at a bright green star with a beam of light. The person is wearing a dark jacket and pants, and is standing on a patch of grass. The background is dark, and the star is a bright green point of light with a white beam of light extending downwards towards the person. The text is in a light green color.

Галина Польнская

Чужая звезда Бетельгейзе

16+

Галина Полынская
Чужая звезда Бетельгейзе
Серия «Фантастические приключения»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63445406

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-99668-7

Аннотация

На далекой планете Альхена в созвездии Ориона давным-давно правят демоны, прилетевшие с Земли. Они мало чем отличаются от местного населения, но лишь одно их присутствие влечет за собой необратимые изменения планеты. Молодой демон Грэм, будущий правитель, решает исправить ситуацию. Ему предстоит долгий путь: сначала своими глазами увидеть, что происходит с его миром, затем в компании своего старого наставника Титруса отправиться на Землю и разорвать губительную демоническую связь обеих планет.

Галина Полынская

Чужая звезда Бетельгейзе

На стенах и потолке дрожали отблески пламени огромного, в половину стены камина. Сквозняк покачивал шторы на всех семи окнах, отчего по стенам, обтянутым красно-золотистой тканью, метались причудливые тени. На деревянном столе, накрытом богато шитой скатертью, остывал ужин на две персоны. Скрипнули, приоткрываясь, резные двери, и впустили двоих мужчин. Первым шел высокий господин с узким смуглым лицом и иссиня-черными гладко зачесанными волосами, с серебристо тонкими нитями яркой седины. Его стройного, гибкого телосложения не скрывали даже свободные черные одежды с алой мантией. Второй ростом был пониже и гораздо старше годами, приятные черты его лица не источали такого холодного внутреннего сияния, как остро отточенное лицо спутника. Светло-карие глаза будто мягко светились изнутри, а каштановые легкие кудри с сильной проседью свободно падали на плечи. Его мантия была синего цвета.

– Все уже остыло, – вздохнул старик, усаживаясь за стол, – а вино согрелось.

– Мне вообще не до еды, – смуглолицый мужчина взял деревянный бокал и попробовал вино. – Что будем делать, Титрус? Все идет к тому, что избежать похода в сумеречную

Альхену не удастся, меня снова посетило видение. К тому же такой поход может стать весьма удачным стартом для будущего правления Грэма.

– Думаешь? Честно признаться, Апрель, я не представляю, как нам должно поступать в такой ситуации, неужели придется...

– Погоди, успокойся, я кое-что придумал.

– Да? – в светло-карих глазах блеснула тревога. – И что именно?

– Мы спрячем Грэма на время, а вместо него я найду другого парня, похожего на него. Когда все закончится, мальчик вернется на свое место и возглавит Шенегрев.

– Вполне разумный выход. Уже присмотрел кого-нибудь?

– Есть пара подходящих кандидатур, хочу выбрать лучшего.

– Главное, чтобы цвет волос совпал, у Грэма редкий цвет волос.

– У него и цвет глаз редкий.

– Зато рост у него... не редкий, обычный, в общем, рост.

– Хоть это у него не редкое, – усмехнулся Апрель. – Я все учту, ты же уговори Грэма во всем нас слушаться и не задавать никаких вопросов. Можешь раз эдак семь-восемь повторить: «на благо Шенегрева».

– Постараюсь, – кивнул Титрус и принялся за еду.

Глаза Апреля, похожие на подкрашенный зеленый лёд, отстраненно наблюдали за жующим Титрусом, мысли перво-

го Сенатора витали далеко. Перед его взором стояло улыбочивое лицо Грэма с серебристо-серыми глазами и волосами цвета выбеленного ветром песка – весьма редкое сочетание для альхенца.

– Не хочешь сказать Грэму, что ты его родной дядя? – Титрус закончил с ужином и отодвинул в сторону пустую тарелку.

– Забудь об этом, – недовольно поморщился Апрель, – все связи между мною и Аттоном оборваны раз и навсегда, и ты об этом не вспоминай. И Грэм мне посторонний, просто воспитанник.

– Как знаешь.

Воцарилось молчание.

– Полагаешь, – медленно произнес Титрус, – мы и дальше сможем быть рядом с Грэмом? Ведь мы же не демоны...

– Я – демон.

– Да?! – изумился Титрус. – Ты же говорил...

– Я наговорил тебе всякого, лишь бы ты не чувствовал себя одиноким. – Апрель меланхолично покачивал кубком. – Сам посуди, если мы с Аттоном родные братья, то, как он может быть демоном, а я нет?

Пораженный Титрус оскорбленно замолчал.

– Не обижайся, – Апрель поставил кубок на стол, – просто я внушил тебе, что мы равны, что я не демон, это не твоя вина, а моя заслуга.

В ответ Титрус лишь махнул рукой.

– Ты согласен с тем, что надо подыскать замену Грэму?

Титрус не успел ответить, тяжелые двери приоткрылись, и на пороге возник Грэм.

– Что вы имеете в виду, дорогие наставники? – поинтересовался юноша. Черты его лица казались четкими, острыми, что выдавало гнев. – Какая еще замена?

Титрус сразу поскучнел, лицо Апреля не дрогнуло, взгляд остался таким же отстраненным, будто он задумался о судьбах всех планет разом.

– Я жду!

– Присядь, Грэм, – Апрель указал на пустующее кресло. – Раз уж ты так дурно воспитан, что не брезгуешь подслушивать, придется рассказать, в чем дело.

– Я услышал только последнюю фразу, – пожал плечами юноша, – открыл дверь...

– Не оправдывайся, это унижительно.

– Неужели вы меня будете всю жизнь учить?

– Боюсь, это слишком короткий срок для учебы, подрезай хотя бы верхушки, к корням доберутся потомки.

Грэм благоразумно замолчал, зная, что первый Сенатор может заговорить до смерти кого угодно, ведь кладезь его мудрости столь велика, что если бросить в нее монету, до дна она никогда не долетит. Прозрачные зеленые глаза смотрели на огонь так отрешенно, будто за столом Апрель сидел в одиночестве.

– Ты помнишь своего отца, Грэм? – произнес он, не отво-

дя взгляда от пламени.

– Смутно.

– Что сохранилось в памяти?

– Какой-то зыбкий, дрожащий красный ореол вокруг его лица.

– Твой отец был сильным демоном, пока не сошел с ума. Нет ничего страшнее и бесполезнее безумного демона.

– От чего он сошел с ума? – по виду Грэма нельзя было сказать, что этот вопрос его сильно интересовал, скорее всего, он спрашивал потому, что надо было спросить.

– Скажи, что тебе снится чаще всего? – задал встречный вопрос Апрель.

– Колокола... – нехотя ответил юноша.

– Сколько их? Какие они?

– Три. Два больших, один поменьше. Они висят на высокой поперечной балке. Колокола свинцовые.

– Какого они цвета?

– Не могу точно сказать, они темные, в этих снах всегда сумерки.

– Тогда почему ты решил, что они именно свинцовые, а не из какого-нибудь другого металла?

– Ну... – задумался юноша. – Я просто точно знаю, что они из свинца, будто мне кто-то сказал об этом.

– Свинцовые колокола, – Апрель перевел взгляд на Грэма, – это само по себе абсурдно, потому что свинец не звенит.

– Ты спросил, что мне снится, я ответил.

– Что еще бывает в этих снах?

– Далекая темная полоска леса, над нею сквозь тяжелые черные тучи пламенеет небо, как узкая свежая рана.

– А что у тебя за спиной?

– Не знаю, может быть, какой-нибудь дом, а может, там и нет ничего.

– Твой отец сошел с ума именно из-за этих снов, из-за свинцовых колоколов. Они снились Аттону всегда, стоило только ему закрыть глаза. В конце концов, он перестал спать, просто боялся видеть один и тот же темный сон.

– Почему мне это снится? И что это за сон такой?

– Видишь ли, в чем дело...

– Будешь все рассказывать? – кашлянул Титрус.

– Конечно. Не всегда, Грэм мы жили здесь, в созвездии Ориона, наша ветвь, демоническая ветвь возникла из первозданного сумрака планеты по имени Земля. Ты слышал о ней?

Грэм отрицательно качнул головой.

– Земля породила такое несметное количество демонов, что обеспечила ими все близлежащие планеты. Демоны послабее оставались вблизи своего месторождения, посильнее долетали до дальних созвездий, наши предки достигли Ориона и поселились на этой гостеприимной планете, жители которой знать не знали, что такое демоническая сверхсущность. Поэтому демоны быстро взяли бразды правления Альхены

в свои руки, установив собственные законы и порядки. Но со временем демонические силы стали слабеть, рассеиваться в потомках, сюда не добрались демоны женского пола, женами мужчин демонов становились женщины Альхены. Сны о свинцовых колоколах снятся только самым сильным, царствующим демонам, эти сны сводят их с ума, доводят до гибели.

– И что это такое? – Грэм разглядывал лицо Апреля, будто видел его впервые. – Какова природа этих снов? Откуда они берутся, почему так действуют?

– Титрус, принеси свиток.

Старик кивнул, встал из-за стола и вышел.

– Что за свиток?

– Сейчас увидишь.

Титрус вернулся с небольшой металлической шкатулкой-колбой. Сняв круглую крышку, он с величайшими предосторожностями извлек ветхий, как показалось Грэму, тряпичный сверток. Но это была бумага, очень странная на ощупь бумага, покрытая тонкой вязью незнакомых черных слов.

– Что здесь написано?

– Всматривайся, – Апрель смотрел на огонь. – Для тебя не существует языкового барьера.

– Смотри сюда, – решил помочь Титрус, – прямо в центр написанного, долго смотри, пока во лбу не потяжелеет, потом закрой глаза и на темном поле появится текст.

Грэм смотрел на непонятное письмо до тех пор, покуда лоб не налился больной тяжестью, затем откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Пару секунд он всматривался в чернильную темень, затем проступил ослепительно белый текст. Такой яркий и неожиданный, что Грэм невольно вцепился в подлокотники кресла. Беззвучно шепча губами, он принялся читать:

«Кровавыми рукавами машет закат сквозь тучи над острой гребенкой леса.

Смолкнет навеки звон колокольный, если отнять у них душу.

Глазами черными будешь смотреть на небо с чужой звездою.

Проклятье падет на белые головы демонов, бросивших Землю.

Расстоянья небесные сил не отнимут, но разорвут сердца. Самый последний, с красной душою снимет проклятье безумья.

И свет потемнеет, исхлестанный черными крыльями демона».

– Как странно... – Грэм открыл глаза. – И что это означает?

– Свиток принесли с собой первые демоны, достигшие Альхены, – сказал Апрель. – Эти строки каждый правитель толковал по своему, некоторые даже уходили искать душу колоколов, но назад не вернулись.

– Мне как-то не по себе от этих строчек. И слово «демон» звучит очень уж зловеще. Апрель, я что, чудовище какое-то зловерное?

– Это долго рассказывать и сложно объяснять.

Апрелю вовсе не хотелось ничего рассказывать. Грэм вырос, считая себя полноправным жителем Альхены, под словом «демон» он подразумевал свое высокое положение в обществе. В его окружении насчитывалось не более пяти десятков демонов, все они состояли при Доме Правления Альхены.

– Я так понимаю, что «самый последний» это ты, Грэм, – осторожно заметил Титрус, – ты самый сильный из ныне живущих на нашей планете демонов.

– А причем тут какие-то крылья? – не слушал его Грэм. – «Душа колоколов...» Это поэзия? Апрель, ты мне как-то рассказывал о поэзии, помнишь?

Апрель видел, что Грэм испугался, испугался непонятного, что задело его своим горьким дыханием, а лица не показало.

Титрус вышел из залы и вскоре вернулся с бокалом вина для юноши, но тот отказался.

– Для чего вы хотели найти мне близнеца? – Грэм пересел в соседнее кресло и оказался прямо напротив Апреля, заслоня ему огонь. – Куда и зачем вы собирались его отправить?

Грэм надеялся поймать взгляд наставника, но Апрель стал смотреть в потолок.

– Видишь ли, наша планета имеет одну особенность, вряд ли ты о ней слышал, об этом не любят говорить. Альхена обитаема не полностью. Ее большая часть освещается ярчайшей звездой Бетельгейзе, но есть и темная территория, не знающая дневного света. Сумеречную Альхену озаряют три светила-призрака: зеленый Медиум, голубой Рим и розоватый Бесс. Поговаривают, они души умерших звезд. Кем и чем населен этот край, я не знаю, одни приходят, другие исчезают – там нет постоянного, определенного населения, как у нас. Возможно, жители так малочисленны, что и не встретишь никого за долгие годы. Я не знаю, могу только предполагать. Этот мир существует по своим законам, и возник он с появлением демонов на этой планете. Прежде там была обычная скудно освещенная территория. С нашим появлением здесь вообще многое изменилось, даже Тарта – мир подземного огня появился из-за нас. Я хотел отправить твоего двойника в сумеречную Альхену, чтобы попытаться разгадать тайну свинцовых колоколов, возможно, он смог бы отыскать это зачатое место, посмотрел, что там происходит. Мы должны узнать больше об этой территории, пока все тут не вымерли.

– Существует угроза?

Апрель кивнул.

– Сумеречный мир расширяется, постепенно захватывая наши территории. Возможно, не далек тот день, когда от всей Альхены ничего не останется.

– Получается, мы беду принесли на эту планету?

– Получается так.

– А как-то исправить положение можно?

Наставник промолчал, лишь поднял взгляд к потолку и принялся изучать резную отделку.

– Вот что, Грэм, – сказал Титрус, – не задавай больше вопросов, все ответы ты найдешь в самом себе. Изучай себя, свое сердце и ты во всем разберешься самостоятельно, главное, чтобы ты понял, кто ты, кем являешься. Не важно, как тебя называют – альхенцем или демоном, главное то, что ты сам о себе поймешь.

– Почему душа красного цвета? – спросил парень.

Апрель с Титрусом пожали плечами.

– У души вообще есть цвет?

Наставники снова пожали плечами.

– Никаких двойников, – Грэм поднялся из-за стола. – Я пойду сам, посмотрю, что там за колокола такие.

– Мы бы не... – начал Титрус.

– Как вы не поймете, что ни один двойник не сможет сделать того, что предназначено мне? Неужели вы предлагаете мне медленно сходить с ума в уютной тиши вместо того, чтобы попытаться разобраться с этим мрачным предначертанием? И теперь еще я очень хочу понять, что же такое «демон», всё до конца, добраться до самого дна этого слова.

Титрус хотел что-то сказать, но Апрель остановил его холодным взглядом. Грэм направился к выходу. Впервые ему не хотелось разделить трапезу со своими наставниками, не

хотелось слушать их неторопливые плавные беседы. Листок с мрачным текстом будто отделил его от Титруса и Апреля, встав меж ними тонкой стеной отчуждения.

– Что думаешь, Апрель? – Титрус смотрел на дверь, закрывшуюся за спиной юноши.

– Пускай идет, раз ему так хочется.

– А если он пропадет?

– Пропадет, так пропадет.

– Как же... – Титрус заглянул в глаза Апреля и осекся.

* * *

Толкнув ногой тяжелые двери, Грэм вошел в длинную комнату с вырубленными в каменных стенах высокими узкими окнами. Длинный стол, ряды деревянных кресел с высокими спинками – здесь частенько собирались демоны и пили тягучие вина за долгими ночными разговорами. У окна стоял компаньон Грэма – Захария.

– Что случилось? – Захария сразу заметил, что юноша расстроен.

– Да так...

Он подошел к окну, оперся локтями на гладкие камни, столь плотно пригнанные друг к другу, что они казались единым монолитом, и выглянул наружу. Сухой ветер, наполненный ароматом далекого разнотравья и близкой свежестью оградительного рва, отчего-то казался неприятным, тревож-

ным. Захария смотрел на четкий профиль Грэма внимательными глазами бледно-сиреневого цвета. Прозрачные и светлые, на свету они казались розоватыми. В отличие от Грэма, носившего длинные, по плечи волосы, Захария стриг свои черные шелковистые кудри и никогда не отпускал их длиннее.

– Что произошло, Грэм?

– Апрель с Титрусом показали мне какое-то странное мрачное письмо с туманными строчками, из которых следует, что...

– Я знаю, Апрель давал мне прочесть его.

– Да? – удивился Грэм.

Захария кивнул.

– Я знаю и о том, что Сенаторы хотели подыскать тебе двойника и с большими торжествами проводить его в сумеречную Альхену.

– Навсегда проводить... Почему я ничего не знал? – вскипел Грэм. – Все вокруг всё знают, какие-то планы на мой счет обсуждают!

– Тише, мы же хотели как лучше, хотели оградить тебя...

– От чего? – серебристо-серые глаза Грэм потемнели от гнева. – Вы сможете оградить меня от моих снов? От красной души? В этой ненормальной записке говорится, что у меня красная душа! Это как? «Демон» это вообще что такое? Я всю жизнь думал, что сословие, оказывается, нет, это нечто злое, страшное и у меня еще должны быть крылья, ко-

торыми я отхлещу весь мир! Где они? Мне их что, в детстве отрезали?

– Грэм, прошу тебя, – Захария не повысил голоса, но, тем не менее, слова его прозвучали гораздо громче. – Если ты все знаешь, ты волен решать, как поступить.

– Есть какие-то варианты? Слушай, может это и не я? Не обо мне говорилось?

– Демоны по природе своей обычно черноволосы, а в послании говорилось о белой голове. Ты поешь чего-нибудь?

Грэм отошел от окна, отодвинул стул и присел на самый край. Тренированный в бесчисленных учебных сражениях, затянутый в одежды из тончайшей кожи, устало и безвольно он положил руки на подлокотники и весь будто сник.

– Нет, я бы поспал... – но, вспомнив, что во сне ему снова предстоит встреча с тяжелыми, молчаливыми колоколами, вздохнул. – Ладно, скажи, чтобы сюда принесли.

Захария кивнул и вышел.

Пока он отсутствовал, Грэм смотрел на гладкую, отполированную руками и локтями поверхность стола и старался ни о чем не думать.

Что принес на деревянном подносе Захария, каковы были яства на вкус, он не обратил внимания, перед глазами мелькали хоть и потускневшие, но все еще хорошо различимые белые строки.

Глотнув холодного кислого вина, Грэм поднял взгляд на неподвижно сидящего Захарию.

– Скажи, можно обойтись без церемонии проводов в поход? Я еще не выбрал девушку, которая подаст мне ритуальный меч. Хочу уйти просто и тихо, пусть об этом никто не знает.

– Я выясню, – кивнул Захария. По вечернему густо-алый свет Бетельгейзе заливал столовую залу, в этом свете сиреневые глаза Захарии казались ярко-розовыми.

– Я пойду с тобой, Грэм, ты не против?

– Поможешь мне понять, что такое «демон»?

– Постараюсь.

* * *

Избавившись от Титруса, Апрель вошел в свои на удивление скудно обставленные апартаменты: круглый стол, деревянная скамья, в нише – узкая кровать и высокие напольные подсвечники по всем углам. На стене, по левую сторону от камина с черной решеткой, висело большое зеркало в простой гладкой коричневой раме. На первый взгляд оно ничем не отличалось от сотен других зеркал в Доме, лишь очень внимательный взгляд мог заметить, что его матово сияющая поверхность сделана из цельной серебряной пластины, отполированной до зеркального блеска. А если присмотреться еще пристальнее, то можно было заметить, что пластину покрывает тончайший рисунок, похожий на сетку случайных трещин, однако это был именно рисунок, нанесенный на се-

ребрянную поверхность.

Апрель долго смотрел на свое отражение и думал о том, как же ему надоела Альхена со своими яркими, но примитивными традициями, чувствами и поступками, где все было ясно и понятно на сто веков вперед. Он чувствовал себя старым, никчемным советником никчемного мальчишки в никчемном Доме никчемного города никчемной планеты. Разве мог он ощущать себя демоном с холодной, быстро бегущей по упругим венам синей кровью в обществе старого рохли Титруса? В последнее время Титрус все больше и больше напоминал квохчущую наседку, прыгающую вокруг своего цыпленка. Грэм тоже не оправдал возложенных на него больших надежд, парень вырос сильным, хорошо развитым, но глупым и прямолинейным, как свежеструганная скамейка. Когда ему было лет двенадцать-тринадцать, Апрель еще надеялся, что из него хоть что-то получится путное, но не получилось, планетарный климат Альхены оказался сильнее воспитания, данного Апрелем и Титрусом. С Грэмом попросту не о чем было разговаривать, его следовало отправить как можно дальше.

* * *

Грэм встал задолго до рассвета. Захария, каким-то непостижимым чутьем, через две двери и коридор знал, что делает и в каком настроении пребывает Грэм. Он заглянул к

нему, когда парень уже завершил омовение и почти оделся. Приветственно кивнув Захарии, Грэм попросил помочь закрепить на поясе цепь с небольшими грузилами на концах – этим оружием Грэм владел в совершенстве. Он не стал облачаться ни в какие боевые одежды, они были слишком тяжелы и неудобны. Грэм выбрал черные штаны из тонкой, но очень прочной и эластичной кожи редкого животного тарута, чей голос был похож на детский плач. Одернув светло-бежевую рубаху, любовно вытканную женщинами Дома, надел поверх короткую куртку из такой же прочной кожи, зашнуровал высокие ботинки с острыми металлическими носами, поправил широкий пояс с цепью, на волосы – крепкий зажим, на лоб кожаную повязку – случись что, пот не зальет глаза, и Грэм был готов к походу. Невысокий худощавый Захария оделся в костюм из плотной черной ткани, обладающей водоотталкивающими свойствами, в бою такой костюм мог спасти жизнь своему хозяину – плотная ткань, чей состав держался в строжайшем секрете, смягчала удары, сохраняла тело от ран. За плечами Захарии виднелись две гладкие рукояти тонких, обоюдоострых мечей, они покоились в чехлах из грубой, как дерево кожи. В руках юноша держал туго набитый снедью мешок.

– Ты знаешь, как попасть на сумеречную половину?

– Да, – ответил Захария, – но это далеко, лучше воспользоваться зеркальными коридорами.

Грэм нехотя согласился. Он не любил залу переходов,

сплошь загроможденную зеркалами, они были установлены таким хитроумным способом, что образовывали семь коридоров, пройдя по которым можно было в считанные минуты попасть не только на другой конец Альхены, но и вообще на любую другую планету созвездия Орион. Грэм же старался избегать коридоров без крайней надобности. Мало того, что сам процесс перехода отнимал много сил и доставлял массу неприятных ощущений, так еще и казалось, что все это: и зеркала с их мрачной тайной силой, и тусклые дымки в конце длинных зеркальных хвостов, несут в себе нечто запретное, даже постыдное.

Дом еще спал, в высоких сводах витали лоскутья ночи. Шаги Грэма и Захарии звучали непривычно громко, и Грэм то и дело ловил себя на мысли, что хочется проскользнуть бесшумно, незаметно, будто они совершали побег...

– Не хочешь попрощаться? – уже у самых дверей в зеркальную комнату настиг его голос Апреля. Грэм обернулся.

– Думал, ты спишь, не хотел будить.

– Ты отправляешься в такое рискованное путешествие тайно, ничего не обсудив с нами, так еще и не захотел проститься?

У Грэма резко обозначились скулы, опять Апрель заставлял его оправдываться и отчитываться.

– Я не хотел никакой шумихи вокруг моего ухода, – четко проговаривая слова, произнес юноша. – С вами не простился из-за раннего часа, тем более, я не собираюсь долго задер-

живаться, мое возвращение будет скорым, тогда и устроим праздник. Ты не позовешь Титруса?

– Не позову, он спит, зачем будить так рано пожилого человека. Значит, ты действительно собираешься искать душу колоколов? – Апрель склонил голову набок, глядя на Грэма и полностью игнорируя присутствие Захарии. – Не подумал, что это лишь поэтический образ? Какая может быть душа у колоколов?

– Музыкальная, – неожиданно произнес Захария. Прежде он никогда не вмешивался в разговоры Апреля и Грэма. – Идем, пока рассвет не начался.

Грэм кивнул своему наставнику, открыл дверь и шагнул следом за компаньоном. С восходом Бетельгейзе алый свет потоками лился в окна, превращая зеркальные коридоры в еще более отталкивающее зрелище. Грэму казалось, что он заходит в утробу неведомого существа и идет по кроваво-красному пищеводу, поэтому он хотел успеть до рассвета.

Двери за юношами закрылись, Апрель так и не двинулся с места.

– Какая мерзкая невоспитанность, – укоризненно покачал он головой, и пошел прочь.

* * *

Грэм и Захария стояли у пятого коридора, через который можно было попасть на сумеречную сторону Альхены. Гр-

эм медлил, на его лице было такое выражение, словно ему предстояло ступить в ров с нечистотами. Сотни и тысячи отражений застыли в зеркалах, в конце коридора подрагивала мутная дымка. Глубоко вздохнув, Грэм шагнул в коридор, Захария молча последовал за ним.

* * *

Титрус стоял у окна своей спальни и смотрел, как над площадью Дома Правления плотными потоками разливается алый свет Бетельгейзе, начинался ленивый, густой рассвет. Отчего-то именно в эти минуты, когда сквозь плотное облачное марево прорывались световые потоки, Титрус ощущал небывалую тоску отлученного от жизни человека. Он мало что знал о Земле, зато многое успел узнать о демонах. Единственные, кого Титрус не опасался, были Апрель и Грэм, он был уверен, что знает их так же хорошо, как свою тоску в рассветные минуты. Титрус стоял у окна и думал о том, что у него осталась лишь одна мечта – увидеть земную церковь и понять, каким образом она построена, чтобы возвести нечто подобное на Альхене, где имелось лишь несколько храмов, воздвигнутых звезде Бетельгейзе. «Я должен, наконец, рассказать Грэму о том, что скрывают подземелья Дома Правления, – думал старик. – Рассказать и показать. Дальше тянуть уже некуда».

Выйдя из коридора, Грэм никак не мог отдышаться, запах приторный и горький одновременно, казалось, пропитал всё его существо. Захария достал из мешка чистую тряпицу и подал Грэму – у него носом шла кровь. Синего цвета.

– Мы на месте?

– Не совсем, немного пройти придется.

Грэм сложил испачканный платок и убрал в нагрудный карман куртки. Демон не должен разбрасываться своей кровью – это он усвоил с самого детства.

– Здесь уже не такой яркий свет, правда?

Они стояли у подножья рыжих скал, выстроившихся в виде завалившихся на бок огромных ступеней.

– Правда, – Грэм рассматривал скалы. – За ними начинается сумрак?

– Видимо, да. Идем?

– Погоди, хочу взять из Тарта живой огонь.

Захария промолчал, он ни при каких обстоятельствах не стал бы связываться с непредсказуемым подземным миром Тарта. Для Грэма такой опыт тоже был первым, но парень был полон какой-то злой решимости и уверенности что все, чего он захочет, получится.

Захария отошел в сторону и присел на гладкий оранжевый валун, напоминающий лысую макушку великана. Грэм

встал на колени, опустил голову и что-то беззвучно зашептал, осторожно касаясь ладонями каменистой почвы. Он поглаживал землю так осторожно и неуверенно, словно был слепцом, впервые вышедшим из дома. Захария почувствовал, как сильно сгустился воздух вокруг, стало трудно дышать, а виски сдавило так, что казалось, еще немного и голова треснет, как пустая скорлупа. Тело налилось тяжестью и перестало слушаться, Захария будто превратился в мыслящий предмет, в нарост на валуне. Ужас, обуявший его метался по неподвижному телу, не находя выхода, он не мог даже закрыть глаз – не опускались веки. Тем временем побелевшие губы Грэма продолжали что-то нашептывать, плечи его опустились, парень сторбился, будто земля неудержимо его притягивала, ладони всё ощупывали каменистую почву с редкими пучками сухих трав. Внезапно раздался тихий глубинный гул. Звук быстро нарастал, земля дрогнула, под руками Грэма стал надуваться горячий земляной пузырь. Он пошел трещинами и рассыпался. Из образовавшейся воронки полыхнуло пламя, и в воздухе завис яркий огненный сгусток с чертами прекрасного женского лица. Без сил Грэм сел на землю, закрыл глаза и перевел дух. Оцепенение постепенно стало покидать Захарию.

– Как тебя зовут? – хрипло произнес Грэм, не открывая глаз.

– Кара, – ответил огненный лик. – Зачем я тебе?

– Мы идем в сумеречную Альхену, помоги нам.

– Зачем вы идете туда?

– Мы ищем музыку... – тихо произнес Захария, с трудом разомкнув челюсти.

* * *

– Почему ты не сказал мне, что Грэм ушел?!

Апреля удивил такой гнев Титруса. Обычно мягкий и спокойный, не повышающий голоса, старик буквально раскалился от ярости. За отполированным руками и локтями длинным столом сидело еще пятеро не завершивших своего завтрака демонов, они с интересом стали прислушиваться, ожидая небывалого – скандала между опекунами молодого правителя. Апрель поднялся из-за стола, взял Титруса за плечо сильными смуглыми пальцами и вывел в соседнюю залу, где обычно собирался совет перед принятием важного решения.

– Чего ты раскричался перед обществом?

– Почему ты не сказал мне?! Почему?!

Апрелю показалось, что еще немного и Титрус набросится на него с кулаками.

– Грэм с Захарией ушли еще до рассвета, я не стал тебя будить, ведь утренний сон самый крепкий и важный. Я предлагал Грэму сходить за тобой, но он отказался.

Титрус тяжело опустился на скамью, беспомощно глядя по сторонам, будто мгновенно забыл, где находится.

– Даже не попрощался, – покачал он головой, – не простился даже...

– Чудовищная неблагодарность, – кивнул Апрель. – Теперь ты видишь, как он к нам относится? Наш мальчик вырос, мы больше ему не нужны.

* * *

Грэм отдышался, в глазах прояснилось. Захария растирал руки, ноги, возвращая телу чувствительность и силу, в голове еще стучала тяжелая боль. Огненный лик Кары был безмятежен, как искусная сияющая маска: чуть раскосые глаза, тонкий нос, слегка припухшие губы и высокий лоб, переходящий в бесшумно покачивающиеся лепестки пламени. Кара рассматривала Грэма, но по ее лицу нельзя было понять, что чувствует, о чем думает это прекрасное огненное создание. Кара не стала больше задавать вопросов, видимо её вполне устроил ответ Захарии. Она мерцала у его плеча, как редкая птица, и Грэм с нескрываемым восхищением рассматривал живой огонь. Захария с трудом поднялся с валуна и заковылял на непослушных ногах к ним.

– Это Захария, – сказал Грэм Каре, – мой слуга и компаньон.

Захария промолчал, он неловко передвигался вслед за ними, борясь с острой болью во всем теле.

Они шли наугад вдоль оранжевых скал, пока не увидели большой разлом, в котором густо плескалось светло-серое марево, отделяющее владения светила Бетельгейзе от сумерек, где властвовали души погибших планет.

* * *

Апрель снова стоял перед серебряным зеркалом и смотрел на свое отражение. Казалось, он мучительно пытается отыскать в себе что-то новое. Послышался стук в дверь. Апрель дернул за шнурок, и опустилось полотно в цвет стены, закрывая зеркало.

* * *

Грэм пошел первым сквозь серое марево, ему было все равно, что там такое за этой влажной завесой. В его душе теснилась необъяснимая обида и ощущение того, что от него отвернулся кто-то близкий, отвернулся и ушел без всяких объяснений. Еще раз напомнив себе, что ближе собственно-го сердца у него никого нет, Грэм сделал последний шаг и оказался в сумеречной Альхене. Следом подоспел Захария. Кара по-прежнему парила у левого плеча Грэма. Перед ними распахнулся безрадостный и странный на вид пейзаж: в безжизненном небе замерло идеально круглое, как дорогой медальон зеленоватое светило Медиум, озаряющее всю округу зыбким призрачным светом. Голую землю покрывала сетка глубоких трещин, кое-где виднелись скелеты невысоких деревьев. И больше ничего.

– Куда же идти? – Захария огляделся. – Грэм, что думаешь?

– Идем вперед, – пожал он плечами. – Неужто тут везде так?

– Я слышала, что на этой половине довольно разнообразная жизнь, – сказала Кара.

В сиянии Медиума ее свечение приобрело холодный бесесый оттенок.

– Что-то не видать особого разнообразия.

Быстрым шагом Грэм пошел вперед, за ним полетела Кара, последним шел Захария. Он наконец-то пришел в себя, от головной боли осталось лишь легкое головокружение, в теле небольшая слабость. Перешагивая через трещины и разломы, Грэм рассказывал Каре о свинцовых колоколах, о снах, доведших до безумия его отца, о странной смерти матери – однажды утром все ее тело, с ног до головы оказалось покрыто ломкой зеленой порослью с мелкими белыми цветами. Она была еще жива, когда они с отцом пришли в ее спальню. Отчего-то четче всего Грэму запомнились ее глаза, смотревшие сквозь поросль – большие, темные, полные усталой покорности. Отец позвал Апреля, приказал увести Грэма, но он все никак не мог сдвинуться с места, всё стоял и смотрел в эти глаза, пока Апрель не взял его на руки и не унес.

Грэм рассказывал обо всем этом так, будто встретил старого друга и никак не мог выговориться. Захарию это удивляло, насколько он знал Грэма, тот особо ни с кем не откровенничал. Но Кара стала исключением. Ее волшебное лицо плыло у левого плеча, золотые глаза смотрели на юношу с таким вниманием, что не оставалось сомнений – она лучший слушатель.

* * *

Выйдя на балкон, Апрель вдохнул наполненный разнотравьем теплый вечерний воздух. Вдали виднелись ровные лоскутки полей с черными точками работяг, покидавших поле лишь с наступлением сумерек. По мощеным грубой каменной кладкой дорогам неторопливо плелись запряженные в телеги каргоны, – их крупные голые морды с торчащими, как рюмки глазами, сонно покачивались в такт шагам.

– Тиха и благостна вечерняя Альхена. – Прошептал Апрель, с неприязнью глядя на эти картины.

Он думал, было, пойти попить вина с остальными демонами, но вспомнил недавнее винопитие, где вынужден был сдерживаться, чтобы не выложить разом все, что он думает об этом пресном собрании. Слушая их пространные, ни к чему не ведущие беседы, планы, которые они не собирались осуществлять, Апрель пришел к окончательному выводу, что демоны вырождаются. Эти напыщенные субъекты с отяжелевшими от еды лицами и тусклыми от вина глазами были кем угодно, только не демонами. Они были альхенцами. Единственный, кто мог представлять интерес для Апреля, был демон отшельник, живший на берегу океана. Поговаривали, что он бессмертен и помнит Землю так, будто был на ней вчера. Выяснить место его обитания не составило никакого труда для первого Сенатора.

– Чем дальше мы идем, тем меньше смысла я вижу в нашем предприятии, – сказал Захария, останавливаясь у очередного древесного скелета. – Посудите сами, мы ищем не что-то конкретное, а нечто крайне абстрактное – душу колоколов. Кара, ты знаешь, что такое колокола?

– Нет.

– Правильно, никто на Альхене не знает, что это такое, потому что здесь не делают колоколов. Мы о них знаем только понаслышке, Грэм видел их только во сне. Не кажется ли вам, что все это глупость?

– Эта глупость свела с ума моего отца, и теперь делает со мной тоже самое, – отрезал Грэм. – Ты можешь вернуться, недалеко ушли.

Захария замолчал.

– Кажется, кто-то идет, – Кара взлетела выше, освещая панораму. – Смотрите, какой-то человек.

Едва переставляя ноги, прямо на них плелся старик в лохмотьях. Глубокие морщины избороздили его желтое лицо, борода и волосы висели серыми клочьями, белые глаза неподвижно смотрели в пространство. Когда на его лицо попали отблески огня Кары, глаза вдруг ожили, воспаленные веки часто-часто заморгали, он с трудом разомкнул губы, будто сделал это впервые за много лет и что-то произнес надтрес-

нутым голосом.

– Что он говорит? – поинтересовалась Кара.

Услышав ее голос, старик упал на колени, простирая руки к говорящему огню.

– Сейчас... я попробую понять.

Грэм решил попробовать тот же трюк, что и с письмом, он стал вслушиваться в бормотание старца. И постепенно сквозь бессмысленный набор слов проступили законченные предложения:

– Огонь животворящий, выведи меня из ада! – в исступлении повторял он. – Или срок мой пришел, смерть моя долгожданная?

– Что он говорит? – повторила Кара.

– Что-то о смерти.

– Дети ада, – старик протянул руки к Грэму с Захарией, – где я, дети ада? За что я тут, дети ада?

– Не могу понять, чего он от нас хочет.

– А ты можешь ответить ему на его языке? – Захария на всякий случай встал за плечом Грэма и положил ладонь на рукоять одного из своих мечей.

– Нет, я его понимаю, но говорить, как он не могу. Идемте, мы все равно не знаем, чем ему помочь.

Они пошли дальше, а старик все тянул руки им в след, повторяя:

– Где я, дети ада? За что? Дети ада...

Дождавшись, когда на вершины деревьев упадут прозрачные свежие сумерки, Апрель подошел к серебряному зеркалу и нажал на незаметную выемку в раме. Зеркало дрогнуло, и приоткрылась потайная дверь, впуская хозяина в скупо обставленные апартаменты. Апрель был скромен в своих потребностях, единственно, к чему он был строг – к удобному спальному месту. В нише висели одежды, которые редко встретишь на Альхене, а уж увидеть в таком наряде члена Сената и вовсе было чудом. Сбросив опостылевший балахон с мантией, он тщательно, не пропуская ни единого мелкого крючка, застегнул прохладную, белую до голубизны рубашку, надел черные, незаменимые при верховой езде брюки и накинул поверх рубашки короткую тонкую куртку без рукавов. Довольный своим внешним видом, Апрель приоткрыл дверь, ведущую во вторую комнату, и посмотрел в щель. Все пространство занимали зеркала, выстроенные в причудливые коридоры, но ни в одном стеклянном хвосте не виднелось дрожащей дымки – коридоры не работали. Осторожно, будто боясь разбудить младенца, Апрель притворил дверь и пару минут разглядывал ее тонкий древесный рисунок, будто читал оставленную ему записку.

На смену зеленому Медиуму пришел голубой Рим и заполнил собою почти все беззвездное небо. Гигантский плоский диск завис в такой опасной близости от земли, казалось – протяни руку и можно постучать по нему костяшками пальцев, как по старинному тонкому блюду. Сухая почва с глубокими трещинами сменилась более влажной вязкой почвой, окаменевшие скелеты деревьев – толстыми темными листьями, росшими пучками. Порой такие «розетки» доходили юношам до пояса, источали листья сладковатый приторный запах.

– Предлагаю передохнуть, – сказал Захария.

– Да, – кивнул Грэм, – не мешает перекусить.

Они расположились подальше от листового пучка, избегая дышать его удушливо гиблым ароматом. Захария положил на землю мешок, развязал его, вынул сложенную вчетверо белую тряпицу, расстелил и принялся доставать кушанья. Грэм сначала сел на землю, а потом лег на спину, вытягиваясь. Теперь он был лицом к лицу с безмятежным голубым Римом. Отчего-то душа проникалась уважением к этим потаенным светилам, хотелось узнать их судьбу и историю... но Грэм догадывался, – все три звезды сумеречной Альхены кому-то дали обет молчания и никогда его не нарушат.

По тайной лестнице спускался вниз из своих комнат Апрель. Лестница вела напрямиком в стойла каргонов. Его каргон не имел ничего общего с ленивыми скотинами, запряженными в повозки. Холеное, поджарое животное с темно-серой, будто посеребренной шкурой, издало тягучий мяукающий звук, увидав своего хозяина, что означало радостное приветствие. Апрель потрепал его по морде, игнорируя снаряжение для удобства езды на каргонах, ловко запрыгнул ему на спину и взялся за пару кожаных усов, торчавших из ноздрей животного – природа будто специально создала этих тварей для удобной езды, даже позаботилась о естественной узде. Пригнувшись к сильной жилистой шее каргона, Апрель выехал из стойла и пустил зверя мягким шагом. Обточенные аккуратные копыта цвета старого янтаря мягко ступали по земле. Впереди виднелся оградительный ров, но пересекать его и попадаться на глаза охране Дома не входило в планы Сенатора. Он знал, где ров немного сужается, в этом месте каргон мог его перепрыгнуть.

Тьма сгушалась, напоминая клубы дыма близкого пожара. Миновав гордость Дома – ряды уродливо-корявых низкорослых деревцев, чьи узловатые ветки сплошь покрывали непомерно большие красные цветы, похожие на неряшливо сшитые лоскутья, Апрель выехал к оградительному

рву. В этом месте его высокие отвесные берега никем не охранялись. Взглянув на днем и ночью бурлящую от ядовитых рыб пенистую воду, Апрель отвел каргона назад и дернул его за усы. Животное сорвалось с места и помчалось вперед. Хозяин еще плотнее прижался к нему, словно желая слиться воедино со зверем. Каргон перемахнул через ров, но не совсем удачно, – задние копыта заскользили вниз по отвесной стене. Апрель изо всех сил дергал его за усы, пока влажные ноздри каргона не обагрились кровью.

– Давай, давай, – повторял Апрель, – давай же!

Животное хрипело и сползало вниз. Тогда Апрель ударил пятками в чувствительные места под ребрами, каргон взвился и выскочил на поверхность. Сенатор перевел дух, потрепал его по вспотевшей шее, и направил животное к темнеющей вдали прибрежной полосе океана.

* * *

Разглядывая чистый лик Рима, Грэм и не заметил, как уснул – с ним такое иногда случалось, он вдруг проваливался в сон, больше похожий на обморок, и мог не подавать признаков жизни довольно долго. Казалось – он даже не дышит в такие моменты.

– Что с ним? – забеспокоилась Кара, подлетая к неподвижному лицу юноши.

– Не беспокойся, такое бывает, ничего страшного.

Захария отломил кусок лепешки, узким тонким лезвием маленького стилета, извлеченного из незаметного кармашка на голенище сапога, нарезал копченое мясо и принялся за еду.

– Ты давно его знаешь?

– Грэма?

– Да.

– Всю жизнь, мы выросли вместе.

– Кто он? Какой он? – Кара не сводила глаз с неподвижного лица юноши.

– Ну... – Захария разрывал жесткие мясные волокна ровными белыми зубами, – он демон.

– А что это?

– Похоже, он и сам не знает, а если не знает он, откуда же знать мне.

– Все-таки интересно, – не унималась Кара, – далеко не каждому с наземного мира удастся достучаться в Тарт, тем более, призвать живой огонь. Юноша обладает большой силой.

Захария кивнул, он жевал, отстраненно наблюдая, как перемещается тень ближайшего куста толстых листьев. Рим стоял неподвижно, однако тени двигались по кругу каким-то непонятным образом.

– Он красивый, – Кара снова подлетела к лицу Грэма, – такая спокойная красота присуща только правителям. Он правитель?

– Да, правитель Шенегрева, но еще не вступил во власть.

– Шенегрев прекрасный город, один из самых больших на Альхене, такой же красивый, как и его правитель.

– Кара, – Захария развязал ремни кожаной фляги с тягучим крепким вином, – он человек, по крайней мере, по внешнему виду, а ты огонь.

– Да я просто...

– Ну да.

Сделав пару глотков, Захария завязал флягу, положил ее на тряпицу, лег на землю и через мгновение заснул.

* * *

Упругий ветер, наполненный дыханием океана, бил в лицо всаднику. Копыта каргона разбрасывали мокрый песок, животное мчалось по самой водяной кромке, во все стороны веером летели крупные брызги. Тьма сгущалась, черными клубами заволокло небо, ленивые, гладкие волны забеспокоились, заострились и принялись кидать на берег густую пену. Она шипела, пропадая в песке, оставляя после себя белесый налёт. Вскоре показались скалы, бледные и ломкие, они напоминали причудливо застывшую пену, сумевшую преодолеть влажную прибрежную полосу. Жилище отшельника выглядело частью скальной гряды, оно было столь незаметно, что Апрель едва не проехал мимо. Дернув за усы каргона, он развернул его, остановил и спешился. Вход в жилище при-

крывала дверь, сколоченная из выброшенных водой разнокалиберных досок. Апрель стукнул пару раз и не стал дожидаться, пока ему ответят. Приоткрыв дверь, Сенатор заглянул внутрь.

* * *

Погружаясь в свои сны-обмороки, Грэм никогда ничего не видел, будто некто брал плотную черную ткань и оборачивал его лицо – было тепло, душно и абсолютно темно. Но на этот раз черная ткань где-то затерялась, Грэма ослепило густое алое сияние. Оно менялось, переливалось всеми оттенками красного, надувалось, подрагивало, будто вот-вот собиралось лопнуть. Грэм ощущал себя абсолютно беспомощным, тело исчезло, осталось лишь ничем не защищенное сознание, – в нем объединились и обострились всё чувства. Алое сияние постепенно превращалось в нечто живое, дрожащее, сквозь эту зыбкую субстанцию проступили черты чьего-то лица с необычным разрезом глаз, какого Грэм никогда не видел ни у людей, ни у животных. Понять мужское это лицо или женское тоже не представлялось возможным. Оно неотрывно рассматривало беспокойное сознание Грэма с его обострившимися чувствами, и в диковинных разрезах клубилась розоватая дымка, заслоняя собою тонкие зрачки.

В очаге мерцали оранжевые угли, на низком трехногом столике стояли деревянные кубки, наполненные слишком сладким самодельным вином. На полу, на мягких шкурах, истрепанных временем сидел Апрель, напротив Иир – старейший демон Альхены, о котором ходили легенды, будто он бессмертен. Черную гриву жестких волос прореживала голубоватая седина, цепкие черные глаза практически не моргая смотрели из-под широких черных бровей, резкие морщины, будто глубокие шрамы, испещряли безбородое лицо. Апрель цедил вино, изредка посматривая на Иира. Разговор едва клеился, старый демон не спешил выкладывать первому Сенатору свои бесценные в данном случае знания о Земле, мире, породившем их обоих. Апрелью приходилось буквально вытаскивать из него каждое слово.

– Какая она? Какова Земля?

– Она быстро меняется, – голос Иира совсем не вязался с его угрюмой внешностью, это был чистый голос юноши. – Разве я могу знать, какой она стала теперь?

– А тогда Земля какой была?

– Какая теперь разница, все равно такой она уже не будет.

Апрель глотнул гадкое вино, едва удерживаясь, чтобы не поморщиться.

– Я долгое время пытаюсь сделать коридор на Землю, но

ничего не получается. Что я делаю неправильно?

– Откуда же мне знать.

– Ты против того, чтобы кто-то из нас вернулся на родину?

– Мне все равно, – чуть помедлив, ответил Иир. – Я всегда стремился к тому, что имею сейчас – уединение с видом на океанский берег. Человеческая жизнь непроста, а наша и подавно, мы должны быть очень осторожны, ведь наши силы могут наносить непоправимый урон мирозданию. Человеческие ошибки можно исправить, наши могут повлечь за собой необратимые последствия.

Выслушивать его соображения о людях, демонах и обо всем мироздании в целом, не входило в жизненные планы Сенатора. Дождавшись первой паузы, он произнес:

– Существует ли некий универсальный ключ к взаимопониманию с людьми?

– А что, твои коридоры уже готовы?

Замечание не понравилось Апрелью, но он снова вынужден был сдержаться. Неким магическим образом вино в деревянном кубке становилось все отвратительнее.

– Я просто хотел узнать, есть ли такой ключ, – смиренно ответил Сенатор. – Хочу как можно больше узнать об этом загадочном мире.

– Допустим, ничего загадочного в нем нет, а ключ есть.

Апрель выжидающе молчал. После долгой паузы, Иир положил на стол стопку каких-то черных от старости пластин, Апрель даже не заметил, откуда он их достал.

– Можно?

Иир кивнул. Пластины оказались из плотной бумаги, с трудом, но все-таки можно было разобрать рисунки на них – черные и красные.

– Это карты, игральные карты. Когда-то давно их было 78, потом 56, у меня 52. Карты – то немногое, что остается относительно постоянным в быстро меняющемся мире Земли. С течением веков изменялись их значение и рисунки, но тот вариант, что есть у меня, существует давно и вряд ли изменится. Обращаться с ними очень просто...

Слушая его неторопливую речь, Апрель быстро понял, что при помощи этих невзрачных бумажек можно творить чудеса.

Угли в очаге совсем погасли, померк и без того слабый свет. Иир тяжело приподнялся со своего места, чтобы подбросить щепок, в этот момент Апрель протянул правую руку к его бокалу и ногтем большого пальца вынул из-под зеленого ногтя мизинца крошечную крупинку. Она упала в вино и исчезла без следа. Когда Иир закончил с щепками и вернулся на шкуры, Сенатор рассматривал карты.

* * *

Сквозь ресницы Грэма пробивалось теплое желтое сияние. Приоткрыв глаза, он узрел Кару.

– Ты так долго не просыпался, – сказала она, – и был таким

безжизненным.

– Все в порядке, – Грэм потер виски, отгоняя вязкое красное сновидение.

Услышав его голос, Захария открыл глаза и приподнялся на локтях.

– Тебе что-то снилось?

Порою Грэму казалось, что компаньон видит его насквозь и может заглядывать в мысли и сновидения.

– Нет, ничего, – зачем-то солгал он. – Я так и не поел.

– Прощу, я ничего не убирал.

Пока Грэм ел, Захария решил размяться. Парень вынул мечи из заплечных чехлов и принялся ими размахивать. Сначала они медленно вращались, со свистом рассекая тугой неподвижный воздух, затем вращение убыстрилось, клинки мелькали с такой скоростью, что стали почти невидимыми. Захария будто танцевал в остром гудящем коконе, наслаждаясь силой своих рук и гибкостью тела. Кара с восторгом наблюдала за этим опасным представлением, Грэм жевал мясные волокна, изредка поглядывая на компаньона без особого интереса – подобное он видел уже тысячи раз. Получив благодарного зрителя в огненном лице Кары, Захария подошел к ближайшему кусту и обрушил на него гудение обоюдоострых клинков. Во все стороны полетели куски широких толстых листьев, и вдруг раздался страшный крик, переходящий в хриплый вой, доносившийся из середины куста. Резко остановиться Захария не мог, по инерции он в мгновение

изрубил куст до самого основания. Крик оборвался, будто захлебнулся.

– Что это было? – Грэм подошел к Захарии.

Тот пожал плечами. Из полых трубок срезанных стеблей, как из артерий хлестала белесая жидкость, попадая на землю, она мгновенно застывала узорчатой коркой, похожей на тонкий лед.

* * *

Всё было кончено быстро. Апрель наблюдал, как изо рта Иира идет желтая пена. «Бессмертный, – усмехнулся он про себя. – Нет ничего бессмертного». Апрель взял со стола карты, швырнул в очаг свой кубок с вином и покинул жилище старого демона. Он выяснил всё, что ему требовалось, и теперь мог быть уверен, – этого больше никто кроме него не узнает.

* * *

Захария чувствовал себя так отвратительно, будто убил нищего. Погруженный в свои мысли Грэм шел чуть впереди, Кара парила над их головами, освещая путь, а Захария пытался переключиться с неприятных мыслей, но ничего хорошего в голову не приходило. Однообразный пейзаж удру-

чал. Еще не успел уйти с тусклого небосвода голубой Рим, как уже прорисовались розоватые очертания Бесса, – светила довольно быстро сменяли друг друга.

– Грэм, – подлетела к юноше Кара, – ты такой подавленный, у тебя плохое настроение?

– Нет, – пожал он плечами, – все в порядке, я от природы такой скучный и угрюмый.

– Не может быть, наверняка, тебя просто что-то беспокоит.

Но, невзирая на все попытки, она так и не смогла вызвать Грэма на откровенный разговор. Захарию болтовня Кары немного начинала раздражать, он подумал, что вдвоем им было бы гораздо проще. Вдвоем они могли разговаривать, когда хотелось и молчать, когда в словах не было никакой необходимости. Втроем было сложнее, Захария больше уставал от того, что не знал порою, о чем говорить, а не от монотонного и, как он считал, бесцельного пути.

Наконец кусты с мясистыми листьями закончились, они перестали попадаться на глаза, и Захария немного воспрянул духом.

– Ты прав, – Грэм внезапно остановился, – наш поход не имеет смысла.

– Чего вдруг? – удивился Захария.

– Так мы можем блуждать до бесконечности, нам нужен проводник.

– Кто-то четвертый? – забеспокоилась Кара, ей не особен-

но хотелось расширить компанию.

– Нет, «проводник» это своеобразное состояние, когда происходит единение духа с окружающей нас средой. Я прошуаю, просмотрю все здесь в считанные минуты и смогу понять, есть здесь хоть что-то отдаленно похожее на колокола или их звучание.

– Чего ты раньше так не сделал? – удивилась Кара.

– Сам не знаю. Я будто спал, ничего толком не соображал, просто шел, словно меня гнали. А сейчас я готов попробовать вступить в контакт с сумеречной Альхеной.

– Мы, пожалуй, отойдем подальше в сторонку.

Захария всерьез опасался, что во время контакта в округе не останется ни одной живой души, будь то человек или огонь.

* * *

Вторую ночь Титрус не мог заснуть, ничего не помогало: ни застольные беседы с членами Сената, после коих он спокойно засыпал с ощущением полноценно прожитого дня, ни бокал вина, выпитый после горячей ванны, ни прогулка перед сном. Тревога за Грэма постепенно перерастала в навязчивое предчувствие какой-то всеобщей беды. В комнатах стало тесно и душно, Титрус накинул мантию, наспех застегнул крепления и вышел из своих покоев. Он не видел определенной цели пути, просто нечто гнало его по прохладным

коридорам с улетающими во тьму потолками, с редкими все еще горевшими светильниками, чьи нервные огненные отблески металась по каменным стенам. Проходя мимо покоев Апреля, Титрус решил завернуть к нему. Долго стучал, но ответа не получил. Решив, что Апрель куда-то вышел ненадолго, он приоткрыл дверь – в покоях Сенаторов они не заперались, и вошел.

– Апрель! Ты не спишь?

Он спросил это на всякий случай, сон у первого Сенатора был чуткий, он сразу бы проснулся, как только приоткрылась дверь. Удостоверившись, что его и вправду нет, Титрус решил подождать. Не зажигая светильников, он присел в кресло у окна и вытянул ноги. Тихо, тихо... будто за окнами ничего не бытовало, кроме бездонного ночного неба с бесшумными дорогами звезд.

* * *

Захария бежал, покуда не обнаружил глубокую яму с торчащими из стен черными корнями. Деревьев не было, а корни были. Он прыгнул в яму, следом полетела Кара.

– Давай! – крикнул Захария и упал на дно.

Буквально в следующую минуту в воздухе возникло напряжение и стало расти с каждым мгновением. Упругие волны расходились как от эпицентра взрыва, стало трудно, почти невозможно дышать.

– Что он делает? – прошептала Кара, борясь с желанием подняться на поверхность и посмотреть на Грэма.

– Сжигает кислород... – перед глазами Захарии поплыли разноцветные круги.

– Зачем?

– Да просто так, – рассердился юноша, – зачем он нужен? Давай я тебе всё позже объясню, если не задохнусь, конечно!

* * *

Сидя в темноте и тишине, Титрус слушал прерывистое биение своего сердца – в последнее время оно что-то совсем разладилось: то гнало как безумное, то еле прослушивалось. Кроме этого рваного биения ничто не тревожило тишину. Внезапно раздался какой-то тихий щелчок, и в стене напротив приоткрылась дверь. Резанула полоска света. Показался высокий силуэт, в котором Титрус безошибочно признал Апреля – тот застегивал крепления мантии. Титрус почувствовал себя крайне неловко, будто тайком пробрался в чужую спальню. Ощувив присутствие постороннего, Апрель замер, вглядываясь в темноту.

– Кто здесь? Ты, Титрус?

– Да, – откашлялся старик, – извини, что...

Апрель скрылся на мгновение за потайной дверью и вынес светильник. От него быстро зажег напольные подсвечники. Когда посветлело, никакого намека на дверь уже не было –

только стена и зеркало на ней.

– Извини, что зашел в твое отсутствие, – Титрус неловко выбрался из кресла. – Никак не могу уснуть, измучался совсем.

– Ничего страшного, – Апрель улыбнулся тонкой, ничего не значащей улыбкой. – Хочешь, вместе отужинаем?

Титрус не хотел, но согласился.

– Сейчас позову кого-нибудь.

В дверях он остановился, обернулся и, глядя на Титруса глазами так похожими на подкрашенный лед, произнес:

– Я очень тебя прошу, не говори никому об этой двери. Там нет ничего интересного, просто пара комнат, где я могу побыть один.

– Конечно, конечно, – поспешно закивал Титрус, все еще чувствуя себя крайне неловко.

* * *

– Можно выходить!

– Наконец-то, – пробормотал Захария, поднимаясь со дна ямы.

Пламя Кары потускнело, она едва двигалась.

– Если хочешь, садись мне на плечо.

Она благодарно согласилась.

– Не обожжешь?

– Нет, – ее голос был еле слышен.

Пламя Кары и впрямь не обжигало, Захария ощутил лишь тепло, как от разгоряченной человеческой ладони. Юноша побрел к Грэму, стараясь реже вдыхать и выдыхать. Пахло чем-то тоскливо-холодным, такой холодок обычно ощущаешь под сердцем в часы отчаяния. Захария знал, что это такое, – восстанавливалась структура воздуха, поврежденная Грэмом. Любой другой человек непременно бы погиб от малейшего изменения в окружающей среде, но только не Захария с Грэмом. Грэм устраивал и не такие вещи, тренируя в компаньоне выносливость, а в себе силу.

– Ну, что?

Серые глаза Грэма были все еще потемневшими до черноты, а лицо белым, с заострившимися чертами.

– Я слышал нечто странное, – медленно произнес Грэм. Тело, голос, мысли – еще плохо ему повиновались. – Похожи ли звон колоколов на биение сердца?

– Не знаю, – честно признался Захария. – Может и похож.

– Видишь ли, здесь действительно есть что-то необычное, похожее на звук колоколов, как я его себе представляю, но поверх накладывается биение сердца – глухой такой, глубинный звук.

– Ты знаешь, где это находится? – Захария попробовал вдохнуть полной грудью, но закашлялся от остроты и сухости – воздух еще не пришел в норму.

– Да, но это не так уж и близко.

– Ничего, главное, узнали направление. Кара, ты как себя

чувствуешь?

– Довольно хорошо, – тихо произнесла она.

Ее пламя все еще было тусклым, но уже пробивались яркие всполохи. Подобрал с земли сумку с провизией, Захария отбросил со лба упавшую черную прядь и пошел вслед за Грэмом.

* * *

Титрус ковырял маленькой деревянной лопаткой в густом мясном месиве, щедро приправленном ароматными травами.

– Апрель, скажи откровенно, был смысл отправлять Грэма в такой опасный поход? Не могут ли эти видения быть некой наследственной болезнью?

– Не думаю, – Апрель отставил в сторону бокал с вином. – Сам посуди, будь это наследственной болезнью, то каким образом она с такой точностью прописана в древнем свитке? Здесь что-то таинственное, а все таинственное в темноте, а значит – в сумеречной Альхене.

Апрель едва удерживал зевок.

– А не могло ли это быть как раз описанием болезни? – гнул свое Титрус. – Не руководство к действию, а перечень симптомов?

– В любом случае это очень таинственная болезнь. Пусть прогуляется, лишний жизненный опыт никому не повредит.

– Это очень опасная прогулка...

– Грэм может за себя постоять.

* * *

В зените стоял розовый Бесс. От его сияния кололо в глазах так, что закипали слезы. Пустынную каменистую местность сменили бледно-розовые травы. При ближайшем рассмотрении они оказались прозрачными, травы просто впитывали свет и принимали окраску того светила, чья очередь была восходить на мертвый небосвод. Из травяных зарослей вставали хрупкие деревца, чьи веточки с редкими бледными листьями ломались даже от легкого прикосновения. Порою попадались истлевшие скелеты неизвестных и довольно крупных животных, они мгновенно осыпались легким прахом при одной только попытке приблизиться к ним.

– Значит, тут была или даже есть жизнь, – пришел к выводу Захария, разглядывая очередной скелет, нанизанный на траву.

– А странного старика, что встретился нам, ты за признаки жизни не считаешь?

– Старик явно нездешний, мне это и без слов понятно было. Как он только сюда попал – неизвестно.

– Надо было расспросить его, – сказала Кара.

– А я не хочу знать его историю, – неподвижными глазами смотрел Грэм на ломкое деревце, проросшее сквозь пепель-

ный череп. – Мне страшно.

Захария в изумлении уставился на него.

– Ты испугался старика?

– Не старика, его истории. Идемте дальше. Кара, поднимись повыше, посмотри, здесь где-то должно находиться большое темное сооружение, я его толком не рассмотрел, оно похоже на руины здания.

– Да? – оживился Захария. – Это интересно. У меня такое ощущение, что я на другой планете, а не на Альхене, проснулось любопытство первооткрывателя.

Он с улыбкой посмотрел на Грэма, но его лицо было отстраненным и замкнутым, словно Грэм решал в уме некую сложную головоломку. Захария понял, что все усилия хоть как-то расшевелить его ни к чему не приведут. Подняв голову, парень посмотрел на яркое огненное пятно высоко над землей. Вскоре Кара спустилась.

– Видела?

– Да, впереди, похоже, лес, а по-над верхушками виднеется какая-то странная витая крыша. Там кто-нибудь живет?

– Вроде, нет.

* * *

Выпроводив Титруса, Апрель вернулся в свои потайные комнаты, зажег свет, присел за столик и разложил карты. Сквозь черный налет проступали изящные дамы, кавалеры и

значки в уголках. На оборотной стороне всех пластинок виделось одно и то же лицо с глазами странного разреза, непонятно было, мужское оно или женское. Очищать карты Сенатор не решился, слишком уж старыми они были, он собирался собственноручно нарисовать новые, скопировав точь-в-точь приятные рисунки.

* * *

В прозрачных стволах струился розовый свет Бесса, он тек по полым ветвям, пытаясь проникнуть в безжизненные листья, он мерцал и подрагивал в высоких травах, пробившихся сквозь трещины в монолитных плитах широкой аллеи. Аллея вела к необычному строению, напоминавшему гигантскую завитую раковину с берега океана, разве что без верхушки, да некоторые фрагменты стен отсутствовали, обнажая внутренние перегородки.

– Зайдем? – Захарии и хотелось посмотреть, что там внутри и одновременно с этим было как-то не по себе... кто-то ведь жил здесь раньше, может и теперь живет.

– Я бы не стал, но мы все равно зайдем, таков наш проводник, путь лежит напрямик через этот дом.

Они подошли ближе, отыскивая взглядом двери или окна, но дом-ракушка предлагал гостям лишь дыры в своих стенах. Пробираясь внутрь, Захария обратил внимание на сломы стен – не камень и не дерево, судя по наслоившимся

вплотную друг на друга белесым пластинам, это и впрямь была раковина.

* * *

В сотый раз рассматривая карты, Апрель размышлял над существенной проблемой: где достать разноцветные краски? Скупым на проявление тонких чувств альхенцам чужда была живопись. Просто и ладно скроенные, они предпочитали заниматься полезной работой, далекой от искусства. По крайней мере, так было в Шенегреве, чем занимались жители окрестных городов, Апреля не интересовало. Искать краски по всей округе он тоже не собирался, – не стоило привлекать к себе лишнее внимание, это было его принципом. И Сенатор решил приготовить их сам с помощью Титруса, коему и вовсе не обязательно объяснять, что и зачем. Хотя, черные и красные цвета имелись в наличии – кровь птицы дроды, благодаря которой в Шенегреве вообще существовала письменность. Из мягкой белой древесины изготавливались тончайшие пластины, при помощи острой железной палочки на нее наносились, выцарапывались письмена, а после пластину смачивали кровью дроды, разбавленной специальной жидкостью, не позволяющей крови сворачиваться. В бороздках текста крови скапливалось больше и надпись получалась черной, а сама пластина, быстро высыхая, приобретала светло красный оттенок. По такому же принципу Апрель решил

изготовить и карты – просто вырезать рисунки на древесных пластинах.

Сложив карты в стопочку, он встал из-за стола и прошел в соседнюю комнату, сплошь заставленную зеркалами. Осторожно передвигаясь, чтобы случайно ничего не задеть, Апрель продолжил свою тонкую работу, ею он занимался вот уже несколько лет. Меняя углы наклона зеркал на доли градуса, он кропотливо изменял коридоры. Взгляду эти изменения даже не были видны, но они имели большое значение, крошечный поворот – и в конце прозрачного хвоста могла возникнуть долгожданная зыбкая дымка. Любой другой на его месте давно бы уже в ярости перебил зеркала, но только не он. Апрель обладал железным терпением. И оно, как правило, вознаграждалось.

* * *

Бесс нехотя уступал место зеленому Медиуму, растворяясь в вечных темно-серых сумерках. Лучи нового светила вслепую шарили в стенах дома-ракушки, надеясь отыскать что-нибудь любопытное. Обстановка в доме сохранилась, но все предметы были такими ветхими, истлевшими, как скелеты в траве. Гости боялись прикоснуться к чему-либо, не желая быть засыпанными прахом.

– Всё бросили, когда уходили, – Захария рассматривал ложе на возвышении, к спальному месту вели пять крутых сту-

пеней.

– Может, отсюда никто и не уходил, – осматривался Грэм. – Не удивлюсь, если наткнемся на скелеты жильцов.

– Как они жили в сумерках? – поинтересовалась Кара, она взлетела повыше, освещая пространство. – Разве можно сесть в таком месте?

– От одних этих светил с ума сойти можно, – кивнул Захария. – Главное, привыкнуть к их приторному свету никак не могу, да и глаза постоянно слезятся. Я был бы рад даже полной темноте, но нет, светила сменяют друг друга как на посту. Грэм, ты куда?

Парень медленно поднимался по ступеням к монументальному ложу.

– Прилягу ненадолго, опять сон наваливается.

– Эта древность сейчас рассыплется под тобой.

Грэм не ответил. Движения его замедлились, будто сон уже наступил, лицо стало пустым и отрешенным. Он присел на край, огромная кровать отчаянно заскрипела, но выстояла. Грэм лег, вытягиваясь, и мгновенно отключился.

– Давно это с ним происходит? – Кара подлетела к окаменевшему лицу юноши.

– Да, но сначала он проваливался редко, в последнее время происходит чаще.

– А что это?

– Неизвестно. Выйдем отсюда на воздух.

Шагнув в пролом, Захария очутился у торца дома, следом

вылетела Кара. Здесь ничего не росло, а почва шла крупными волнами, будто некогда тут протекал водоем с сильнейшим течением.

– Гляди, что там такое? – Захария прикрыл ладонью глаза от настырных зеленоватых лучей.

– Сейчас посмотрим.

Кара взлетела повыше, освещая путь. В десятке шагов из земляных волн торчала завитая верхушка гигантской ракушки. По темно-серым шершавым бокам змеились зеленоватые полосы, кое-где еще сохранились остатки перламутра.

– Ничего себе, – Захария обернулся посмотреть на дом, – значит, это и впрямь раковина. Ты представляешь, какой здесь должен быть водоем, чтобы в нем жили такие ракушки? А какие моллюски таскали эти домики? Фантазии не хватает, честное слово.

Захария осторожно присел на гладкий бок раковины, он был таким теплым, будто его согревали лучи безучастного Медиума.

– Захария, – Кара парила рядом, рассматривая округу, – ты говорил, что вырос вместе с Грэмом.

– Да.

– Почему же вы ведете себя так, будто вчера познакомились? Вы будто совсем чужие друг другу.

– Видишь ли, Грэм непростой человек, у него и судьба непростая и предназначение. По-настоящему он открыт только со своими наставниками Титрусом и Апрелем, а я

просто рядом. Как статуя в углу. Нужен – достали, не нужен – поставили обратно, – Захария усмехнулся. – Единственное, когда я ощущаю, что мы вместе, это парные бои, совместные тренировки с лучшими воинами Шенегрева. Нашу пару еще никому не удавалось одолеть, мы будто мысли друг друга читаем – ни одной ошибки. Когда бой заканчивается, мы снова расходимся, он по своим делам, а я в свой угол.

– Странно... за столько лет вы не смогли подружиться?

– Я смог, – снова усмехнулся Захария, – а он нет.

– То, что он представил мне тебя своим слугой, тебя не задело? Ты ему прислуживаешь?

– Нет, не прислуживаю, а как представляет – это его дело, не мог же он представить меня своим другом, я не являюсь таковым.

– А твои родители? Где они?

– Компаньона Грэму выбирали из сирот, компаньон не должен расплытаться ни на какие другие чувства, кроме преданности будущему правителю.

Повисла неловкая пауза. Кара жалела, что затеяла этот разговор, а по виду Захарии можно было подумать, что ему безразлично. И совсем не больно.

* * *

Густо-малиновый рассвет тёк сквозь облачные прорехи. С самого утра поднялся ветер. Апрель не любил ветер, ка-

залось, его порывы нарушают размеренное течение мыслей, вносят хаос в построение идей. Сенатор так и не ложился, не представляя, как можно спать с ощущением близости развязки. Апрель предчувствовал успех своего дела. Но сначала – пластины, тончайшие пластины одинакового размера. Пятьдесят две штуки.

* * *

Кто-то опять забыл взять черную материю и плотно обернуть ею лицо, снова Грэм увидел нечто дрожащее, красное, болезненное, готовое лопнуть или взорваться. Сквозь эту, нагоняющую тошноту субстанцию, вновь проступило лицо с диковинным разрезом глаз. Его зрачки, как и прежде, заслоняла розоватая дымка, но она почти рассеялась, и Грэм подумал, что сейчас, вот сейчас он увидит, что там, в этих глазах. Ему этого хотелось до острой, саднящей боли где-то под сердцем, одновременно с этим в душе противно выли страх.

* * *

Захария с Карой вернулись в дом-ракушку. Грэм все еще спал. Захария снял с себя ремни креплений заплечных мешков, положил оружие на пол рядом с собой и присел на край ступеньки.

– Тебе не холодно?

– Мне никак.

– Захария, хочу извиниться, что начала весь этот разговор...

– Ерунда. Забудь.

Парень расчесал пятерней блестящие черные волосы, посмотрел на Кару и улыбнулся ей. Она неуверенно улыбнулась в ответ.

Вскоре очнулся Грэм. Он с трудом стал подниматься с кровати, будто тело ему не повиновалось.

– Тебе помочь? – привстал Захария.

– Не надо, я сам.

– Что тебе снилось? Ведь снилось же, да?

– Да, – нехотя ответил Грэм. Он массировал виски, тер лоб и морщился, словно от боли. – Не уверен, что это сон, но одна мерзость сменила другую, колокола исчезли, зато появилось чье-то странное лицо – не пойму, человек это или вообще зверь. Проступает сквозь какую-то вареную кровь и смотрит на меня. Глаз не вижу за туманом, но знаю, что смотрит.

– В следующий раз, – сказала Кара, – спроси, кто он и чего хочет, быть может, он или оно пытается выйти с тобой на контакт, возможно, ему что-то требуется от тебя.

– Что ему может от меня потребоваться? – Грэм встал на ноги и потянулся. – Я никому ничего не могу дать.

– Зато ты можешь отобрать.

– Кто это сказал? – Грэм смотрел то на Кару, то на Заха-

рию.

– Что?

– Вот только что, кто это сказал?

– Да что же? Что?

– «Зато ты можешь отобрать».

Кара с Захарией переглянулись.

– Мы не говорили, – осторожно заметил Захария и быстро поднял с пола мечи.

– Но вы это слышали?

– Нет, – ответила Кара. – А какой был голос, мужской или женский?

– Средний.

– Так, надо всем успокоиться, – оружие вернулось на привычное место, и Захария почувствовал себя увереннее. – Никто кроме тебя этого не слышал, так что возможно, фраза была остатком твоего сновидения, только и всего.

Как ни странно, это объяснение успокоило Грэма, видимо, его успокоило бы любое объяснение, лишь бы оно появилось.

– Идемте дальше.

И он первым покинул дом. Грэм шел, не обращая внимания ни на земляные волны, ни на торчащие из них гигантские раковины. Чуть позади держался Захария. Он привычно поглядывал по сторонам, готовый, если что, отразить любую опасность. У его левого плеча летела Кара.

Поднявшись с рассветом, Титрус ополоснул лицо и принялся причесывать, приглаживать волнистые волосы. Кудри у мужчин считались неприличным явлением, такая прическа больше подобала девушкам. Титрус стеснялся своих волос и пытался отрастить их подлиннее, чтобы разглаживать, забирая в хвост, но они росли плохо и торчали в разные стороны. Смазав их вязким соком ягоды фужеи, Титрус подождал, пока он застынет, и еще раз зачесал волосы назад. Наконец-то пряди легли как надо, пара почти незаметных волн не мешали.

Как только Титрус облачился в сенатские одежды, в дверь тихонько постучали. Вошел Апрель. Он был свеж и чем-то озабочен.

– Прекрасное утро, – улыбнулся Титрус, трогая свои волосы, – замечательное время для прогулки.

– Мне не до прогулок. – Апрель подошел к окну и посмотрел на истекающее рассветом небо. – Одолевает тоска в последнее время.

– Это плохая еда со скверным вином, – уверенно заявил Титрус. – Они и впрямь стали никудышными, хочу распорядиться о смене всех наших поваров и виноделов.

– Да нет...

– Как нет? Мясо жесткое, вино слишком кислое, овощи

или переварены или недожарены, фрукты и ягоды сорваны зелеными или переспевшими. Кого хочешь тоска одолеет.

– Титрус, еда тут ни при чем. Я просто не могу найти себе занятия, вот и пришлось придумать презабавнейшую игру. Как раз для нас двоих.

– Интересно, – Титрус тоже подошел к окну и встал рядом с Априелем. – И что за игра?

– Сама по себе она проста и увлекательна, но для нее кое-что необходимо.

– Что?

– Краски, цветные краски.

– Где ж их взять? У нас два цвета – черный да красный.

– Надо что-то придумать, жаль, если пропадет такая забава. Давай позавтракаем и поразмыслим, что можно придумать. Согласен?

– Разумеется.

* * *

Откуда они появились, никто не успел заметить. Бесшумно, будто сгустки сумерек, возникли странные создания с мохнатыми сильными лапами и острыми рыбьими гребнями на спинах. Их нелепые клыкастые морды болтались на шеях, будто хребты чудищ кто-то перебил, на боках подрагивали недоразвитые крылья, по земле волочились шипастые хвосты. От неожиданности Кара вскрикнула и взлетела ввысь.

Грэм с Захарией долго не раздумывали. Они встали спина к спине, оглядывая смыкающийся круг. Не делая резких движений, Грэм вытянул из пояса цепь, а Захария извлек из кожаных чехлов мечи. Отполированные до блеска руками хозяина рукояти обоюдоострых клинков привычно устроились в ладонях. Болтающиеся головы приближались.

– Чего вы ждете?! – воскликнула Кара.

Это словно послужил приказом к нападению, и чудовища прыгнули, причем все одновременно, будто хорошо выдрессированные. Заухала цепь, засвистели клинки, во все стороны полетели головы, тяжело стали падать изуродованные тела.

– Куда вы, дети ада? – услышал вдруг Грэм голос. Это без сомнения был голос старика с белыми глазами. – Куда вы?..

Грэм замер, разом позабыв обо всем на свете, цепь упала. Он огляделся в поисках старика.

– Ты чего?! – крикнул Захария.

Но Грэм не реагировал.

– Я помогу тебе! – крикнула Кара. Она выплюнула тонкую струйку огня, но от этого загорелась лишь пара монстров.

Для следующего огненного плевка Каре требовалось накопить сил. Теперь Захарии приходилось отбиваться и от чудищ, и защищать Грэма, – тот стоял неподвижно, лишь смотрел по сторонам остывшими, погасшими глазами. Мечи гудели, от скорости вращения они сделались практически невидимыми. Захария опасался задеть Грэма, ведь ему при-

ходилось буквально кружить вокруг него, отбиваясь от никак не редющего кольца – откуда брались всё новые и новые создания, Захария не успевал заметить.

– Сядь, Грэм! Сядь! – пытался докричаться до него Захария. – Опустись вниз!

Грэм стоял, как заговоренный.

– Сядь же на землю! – Кара снова плюнула огнем. – Он голову тебе снесёт!

Бесполезно. Грэм не слышал.

* * *

– Надо поговорить с красильщиками, – осенило Титруса. – Они же красят ткани в разные цвета, наверное, можно нанести такую краску и на пластины.

– Конечно, – Апрель смотрел на него, подперев подбородок ладонью, – и как только мне это самому в голову не пришло?

– Бывает, – Титрус разминал лопаткой вареные овощи. – Ты чего не ешь?

– И вправду гадость. Раньше ел и не замечал, теперь заметил. Поваров следует прогнать немедленно.

Грэм очнулся так же внезапно, как и застыл. Он посмотрел по сторонам с неким недоумением, будто не понимал, что происходит. Через секунду парень окончательно пришел в себя, и цепь снова ожила в его руках. Втроем вместе с Карой дело закончили быстро, вспыхнули последние монстры, и все кончилось. Разбросанные тела на глазах превращались в хрупкие пепельные скелеты, точно такими же были унижены прозрачные травы. Захария смахнул пот со лба, вынул из кармана плотную тряпицу и принялся очищать лезвия мечей от грязно-желтой крови и налипших клоков шерсти. В его душе боролись беспокойство за Грэма и злость на него. Бросить оружие, не закончив боя, подвергнув смертельной опасности своего партнера – это ни в какие разумные рамки не вменялось. Отшвырнув цепь, Грэм сел на землю и обхватил голову руками. Кара спустилась ниже, свет ее был тусклым, она потеряла много сил. Все трое молчали.

– Захария, – глухо произнес Грэм, – кажется, я схожу с ума.

Захария тщательно очищал меч, так тщательно, словно малейшее пятнышко могло навсегда испортить клинок.

– Захария.

– Что? – он не отрывался от своего занятия.

– Я с ума схожу.

– Разумеется!

Злость вытесняла беспокойство.

– Прости меня, – тихо произнес Грэм, – не знаю, что со мной происходит, не понимаю.

– Теперь я, в случае чего, буду биться один, – ровным голосом произнес Захария. – Это лучше, чем отвлекаться в процессе. Мы могли погибнуть оба.

– Больше этого не повторится.

– Ты уверен?

Грэм промолчал.

– Идемте отсюда, – устало сказала Кара. – Идемте отсюда как можно дальше.

* * *

Уже к вечеру у Апреля были краски: зеленая, синяя, желтая, белая. Своего оживления показывать Титрусу не хотелось, первый Сенатор просто отставил краски в сторонку и завел отвлеченную беседу.

Как только Титрус ушел, он бросился в свои потайные комнаты – Апрелью не терпелось поэкспериментировать с цветами. Усевшись за стол, он поставил перед собою полукруглые скорлупки с краской, положил большую белую пластину с необточенными краями, взял тонкую деревянную лопаточку и занялся смешиванием красок, получением новых цветов. Апрель никогда ничего не рисовал, но он умел про-

никать в суть вещей, мог схватывать их смысл и значение в мгновение ока. Сенатор уже понял, как это делается. Апрель мог бы немедленно написать масштабное полотно, но ему нужны были всего лишь пятьдесят две картинки. И впредь к рисованию он возвращаться не собирался.

* * *

– Чувствуете, как похолодало? – сказала Кара.

– Ты разве способна ощущать холод? – удивился Захария.

– Чем холоднее, тем светлее мое пламя, я белею с наступлением холодов.

– Да, действительно, похолодало основательно, – Захария поднял и застегнул воротник своей тонкой кожаной куртки, – ладно хоть одежда не продувается и хорошо сохраняет тепло.

Голубой Рим всюду теснил Медиум. Чудилось – именно борьба светил за место на тусклом небосклоне порождает ветер.

– Грэм, не хочешь перекусить?

– Давай.

Он не хотел, но если Захария заговорил о еде, значит, основательно проголодался. Выбрав местечко поровнее, Захария развязал мешок, достал тряпицу и расстелил ее на земле. Присев на корточки, Грэм наблюдал, как компаньон выкладывает провизию.

– Хорошо бы костер разжечь, да не из чего, – посетовал Захария. – Никаких веток или сучьев, земляная пустыня и всё.

– Пока еще можно обходиться без костра, – задумчиво произнес Грэм, – а вот дальше будет тяжелее, там холод, какого мы еще никогда не чувствовали.

– Да? – Захария замер с куском лепешки в руках. – А что там? Что ты видел?

– Ледяные розовые холмы, думаю, розовыми они были из-за света Бесса. Высокие деревья с моховыми ветвями без листьев, а с неба падает легкий пух, холодный и бесконечный.

– Унылая картина, – Захария разломил лепешку и вытащил из мешка мясо. – Глоток вина?

– Давай.

– Вы ешьте, а я взлечу повыше, посмотрю, что происходит в округе и нет ли желающих помешать вашему отдыху.

Захария кивнул.

Ветер усиливался. В его резких порывах ощущался незнакомый неуловимо тоскливый запах.

– Так пахнут ледяные холмы, – тихонько произнес средний голос совсем рядом, над ухом Грэма. – А легкий пух, холодный и бесконечный – это снег. Это сыплются с неба неслышанные молитвы, их слишком много, да и не все долетают, вот они и падают обратно, под ноги...

– Хватит! – Грэм отбросил кусок лепешки и зажал уши руками. – Хватит!

– Что такое? – Захария поднял голову. – Что случилось?

– Я опять слышу чей-то голос!

– Ты выпил вина на пустой желудок...

– Это уже не поможет, Захария, не поможет! Я действительно кого-то слышу, и это не получится разумно объяснить!

– Ладно, хорошо, успокойся, что он тебе сказал?

– Что-то о ледяных холмах, я толком не понял. Там есть еще фляга с вином?

– Две.

– Дай тогда допью.

Тихий голос усмехнулся и смолк.

* * *

Убедившись, что цвета получают превосходно и отлично держатся на пластине, Апрель вытер руки и пошел к выходу из тайных комнат. У окна опять сидел Титрус. Такая отъявленная наглость не могла не рассердить, но первый Сенатор пребывал в прекрасном расположении духа.

– Чего надо? – поцедил он, растягивая губы в улыбку.

– Я везде тебя искал, – принялся оправдывать Титрус, – сегодня заседание Сената...

– Ах, да, совсем забыл.

– ...и надо будет хоть что-то сказать об отсутствии Грэма. Я хотел это обсудить с тобой.

– Да, да, погоди, я переоденусь.

Он вышел, а Титрус присел обратно в кресло. Вскоре Апрель вернулся в широких, длинных красно-золотых одеждах и черной мантией на плечах – парадном одеянии первого члена Сената. Титрус, занимавший положение попроще, одевал красные одежды с темно-синей мантией.

– Они уже собрались?

– Думаю, да. Ты решил, что сказать?

– По пути решу. Идем.

* * *

Захария наблюдал, как небо быстро сменило свой цвет – оно неожиданно сильно потемнело. Кое-где даже высветились крошечные точки, которые вполне можно было принять за звезды. Порывы ветра обжигали лицо и руки, от неистово пляшущего пламени Кары отлетали желтые огненные обрывки и мгновенно гасли. С пустынных небес стали срываться какие-то колючие крошки. На жаркой Альхене таких холодов не бывало, для путников все было впервые.

– Грэм, – нагнал его Захария, – если мы все-таки найдем душу колоколов, что мы будем с нею делать? Ведь душа это понятие абстрактное.

– Реальное, – тут же шепнул голос-невидимка на ухо Грэму, – реальнее, чем плоть.

– Душа – понятие реальное, – повторил за голосом юно-

ша. – А что делать... пока не знаю. Я хотел отыскать сами колокола, мне кажется, это место я узнаю даже с закрытыми глазами. Увидеть бы их, быть может, они и оставят меня в покое.

– А вот колокола – понятие абстрактное, – в голосе невидимки прозвучала едва заметная усмешка.

Грэм тряхнул головой, отгоняя прочь эту усмешку. Он чувствовал, что внутри него началась какая-то работа, нечто вроде большого строительства. Грэм пока еще не знал, что это возводятся гулкие арки, в темноте и тишине которых предстоит неприкаянно блуждать его душе, пугаясь долгого эха сердечного биения.

* * *

Здание Сената сообщалось с Домом Правления таким переходом, что каждый раз, когда Апрелью предстояло идти по нему, он проклинал того, кто этот переход придумал и построил. Лестница с узенькими ступеньками вилась над каменной пропастью, издевательски вымощенной радостными разноцветными плитами. Перила или какие-нибудь другие вспомогательные конструкции показались придумщику деталями лишними. Оставалось надеяться только на собственное чувство равновесия, оступиться и полететь вниз на радостные плиты было удовольствием сомнительным и однозначно последним. Если же не пользоваться переходом, то

для того, чтобы попасть в здание Сената, предстояло сделать здоровенный крюк, обходя весь Дом Правления, его нелепые корявые сады и уродливые клумбы – как ни старайся, всё равно опоздаешь к началу заседания.

Следом шел Титрус и казалось, от его неуверенных шагов раскачивается вся лестница, но это было лишь иллюзией, сильной, но иллюзией. Апрель пытался не обращать на него внимания и целиком сосредоточиться на своих четких, выверенных движениях. На середине лестнице, где расстояние от ступеней до пола было особенно велико, Сенатору пришла вдруг в голову мысль, каким образом еще можно выстроить зеркала. Это решение виделось таким верным, настолько простым правильным, что Апрель едва не рассмеялся.

* * *

Колючие крошки превратились в легкие ледяные хлопья – узорчатые и нежные неслись они в потоках ветра. Глотки вина, которые Захария с Грэмом растягивали, как только могли уже едва согревали. Пористые покрывала из неисчислимого количества этих хлопьев застелили всю округу, не оставив ни единого свободного клочка земли.

– Да что же это такое... – стуча зубами, пробормотал Захария.

– Это снег, – с какой-то обреченной уверенностью ответил

Грэм, – все это называется «снег».

Никто не стал спрашивать, откуда он это знает. И Захария, и Кара порядком устали – непривычные к подобным погодным чудесам, они были вынуждены тратить много сил на преодоление ветряного сопротивления и борьбу со снежными наносами. Сначала ноги проваливались по щиколотку, но все чаще и чаще стали уходить почти по колено. Ветер бойко разрывал пламя Кары, и она пряталась между Грэмом и Захарией, выскивая подветренные стороны, зачастую ей приходилось лететь почти у самой земли.

Голубые лучи Рима щедро разбрасывали по снежной равнине острые искры, и казалось все вокруг усыпано чистыми, яркими драгоценными камнями, но свет их богатых россыпей не радовал глаза, напротив, раздражал до слез.

Когда впереди показалась темная полоса густого леса, Грэм с Захарией с трудом могли опускать и поднимать воспалившиеся веки.

– Интересно, а можно ослепнуть? – Захария смахнул с лица беспрерывно текущие слезы.

Грэм промолчал, видать ему это было не интересно.

* * *

По периметру треугольного зала теснились уходящие вверх ряды деревянных скамеек, покрытых красной материей, с потолка на железной цепи свешивался большой алый

шар, символизирующий звезду Бетельгейзе. Желаящий выступить должен был спуститься вниз, встать на круглое каменное возвышение – лагур, испещренное глубоко вырезанными старинными знаками и письменами – по непоколебимым убеждениям шенегревцев, эти письмена заклинали оратора ото лжи, не позволяя ему изрекать неправду. Любой, вставший на возвышение, обязан был быть предельно честным и откровенным.

Самые нижние скамьи заняли Наблюдатели – семеро сухощавых стариков с колючими глазами и неестественно молодыми, гладкими лицами. Они следили за ходом собрания, надеясь к чему-нибудь придраться. Сразу за ними расселись демоны, на которых Апрель уже не мог смотреть без брезгливости.

По традиции к лагуру первым спустился Апрель. Взойдя на возвышение, он приветствовал собрание поднятой рукой с открытой ладонью, что означало чистосердечье к Сенату.

– Решение Грэма отправиться в сумеречную Альхену не было для нас великой неожиданностью. Наш юный правитель обладает страстью к открытиям и путешествиям. К тому же он представил достойный внимания план освоения пустующих территорий, что в дальнейшем может существенно увеличить благосостояние Шенегрева. Город наш стоит на сухой каменистой местности не богатой ценностями, океан вымирает, он почти пуст, вскоре добычи могут и вовсе прекратиться. Насколько мне известно, некоторые хозяева уже

отправляют работников за травами со дна океана, пробуя ее на предмет пользы. Поэтому я считаю изучение сумеречной части Альхены на тему разработок не только желательным, но и крайне необходимым. Желание Грэма изучить закрытый для нас мир, ознакомиться с ним лично, должно быть понятно всем и каждому, ведь сердце юного правителя не переставая болит за благополучие Шенегрева – прекраснейшего города планеты Альхена...

Слушая Апреля, Титрус сидел мокрый от ужаса – первый Сенатор открыто лгал, стоя на лагуре перед Наблюдателями и всем собранием, лгал уверенно и делал это явно не в первый раз.

* * *

Стволы деревьев были настолько гладкими, будто полированными, без привычных чешуек коры. Голые ветви в снежных опушках тянулись к залитому дрожащим голубым маревом небу. В вышине бесшумно парили птичьи тени, но из-за густо сыплющихся хлопьев их можно было принять за игру воображения.

Вина осталось четверть фляжки, одежда не грела, как не пытайся застегнуться, запахнуться, закутаться – слишком тонкая, эластичная она отлично годилась в сражениях, но никак не в походах по колено в снегу. Не привыкшие выказывать малейшие признаки слабости и усталости, Грэм с За-

харией шли вперед, стиснув зубы. Грэма основательно подогривало злое желание докопаться до истины, какой бы нелепой или абстрактной она не была. Думать о том, кому же принадлежит лицо и голос из видений, – а то, что это был голос именно существа из видения, Грэм не сомневался, – он пока думать не хотел. Захарию ничего не подогривало, он просто шел потому, что надо было идти. Пламя Кары совсем побелело, ее золотое лицо будто выгорело до бледно-серебряного. Время от времени она взмывала к хитросплетению древесных крон, высматривая, безопасен ли путь. Мир голубых снегов был пустынен и тих.

– Замерз, Захария?

– Терпимо, – ответил он, едва шевеля обмороженными губами. – Вот мечи трудновато будет удержать в негнущихся пальцах.

Он пытался пошутить, но у Грэма в этих снегах было плохо с чувством юмора, он думал исключительно о том, что можно предпринять, чтобы Захария и Кара минимально пострадали в таком диком климате. Пока на ум ничего не приходило. Казалось, что от мороза трещит черепная коробка, а мозг съежился и затвердел. Ни рук, ни ног Грэм давно уже не ощущал, лицо горело, как обожженное, ресницы и волосы густо посеребрил иней. Он шел вперед, злясь на весь белый свет, даже на собственного отца, передавшего сыну по наследству свой прижизненный кошмар, выгнавший, вырвавший его из привычного мира. Сквозь подогревающую тело

и душу злость тихонько, робко, как сукровица из ссадины, сочилось предчувствие, что назад они уже не вернутся.

* * *

Титрус еле дождался завершения собрания. О чем говорили остальные члены Сената, он не слышал, в голове назойливым волчком крутился лживый монолог Апреля. Он еще долго, гладко и плавно рассказывал о неоспоримой пользе похода Грэма в сумеречную Альхену, звучало так убедительно, что Титрус сам готов был ему поверить. Как всегда Сенат остался доволен и полностью удовлетворен выступлением Апреля, помимо ситуации с Грэмом, он разъяснил еще десяток возникших вопросов из различных областей. Титрус не мог сказать, врал ли Апрель, отвечая, так как не имел представления об истинном положении вещей, ему было достаточно услышанного вначале. По законам Шенегрева, если говорящий на лагуре кем-то уличен во лжи, об этом необходимо немедленно было известить Наблюдателей. В лучшем случае – позорное изгнание из Сената, в худшем – смерть.

Как только члены Сената стали подниматься, Титрус сорвался с места и бросился на выход, не разбирая дороги, ему немедленно требовался свежий воздух, желательно с ветерком. Он промчался мимо Апреля, даже не взглянув на него, так торопился оказаться под густым светом Бетельгейзе. Не желая привлекать внимания своим взволнованным видом,

Титрус отошел подальше в густую тень низкорослых цветущих деревьев, выстроенных в идеально ровный ряд. Глубоко вдохнув нежный, сладковатый аромат крупных белых цветов с тонкими, почти прозрачными лепестками, он попробовал привести мысли в маломальский порядок.

– Титрус! – за спиной послышались шаги Апреля, но он не обернулся, продолжая дышать ароматом цветов так жадно, будто вдыхал противоядие.

– Титрус, – подошел к нему Апрель, – в чем дело? Ты почему бежал мимо меня? Что случилось?

– Ты лгал... – едва слышно прошептал он.

Апрель взялся своими тонкими сильными пальцами за плечо Титруса и повел его к ближайшей клумбе – уродливо яркой и бесполезной, как вся эта планета.

– Ты так побледнел, – с деланным участием произнес Апрель, заглядывая в лицо Титруса, – надеюсь, не собираешься внезапно умереть из-за такой ерунды?

– Как... – задохнулся Титрус, – как ерунды?!

– Громче кричи, еще не все слышали.

Мелкие камешки хрустели под ногами Апреля, руку с плеча Титруса он не убирал. Вел его тихонько по дорожке вокруг клумбы, дружески приобняв, а тот покорно шел, не находя в себе сил сопротивляться.

– Я должен сообщить Наблюдателям... – пробормотал Титрус.

– Конечно, разумеется, беги и сообщи, выполни свой долг.

Расскажи, что на самом деле молодой правитель, на которого возлагается последняя надежда на благополучие Шенегрева, практически сошел с ума от навязчивых сновидений, погубивших его отца. И что он не на разведку местности отправился в сумеречную Альхену, а пошел искать какую-то душу колоколов – что уже само по себе признак расстроенной психики. Иди и убей последнюю надежду, что Шенегрев когда-нибудь выползет из своей пропасти. «Самый большой и прекрасный город на Альхене» – ах, ах, какая прелесть. Мы на грани полного разорения, скоро камни будем грызть, единственное, что может нас спасти – молодой, красивый, здоровый правитель, что по нынешним временам большая редкость. Или урод, или больной, или старик – таковы замечательные правители на нашей прекрасной планете, вырожденцы сплошные. Его брак и слияние владений – вот наш последний шанс. Среди невест на Грэма будет большой спрос, побегут, наступая друг другу на платья, лишь бы первыми успеть. А мы выберем самый подходящий вариант, чтобы все оказались довольны. Пойми, я спасаю наш город и всех нас, иначе разразится катастрофа и ничего уже нельзя будет сделать.

– Зачем же мы тогда отправили Грэма в такой опасный поход, если он единственный шанс нашего города? – криво усмехнулся Титрус.

– Да не опасен этот поход, что ты вбил себе в голову? Ничего на той половине нет страшного, там даже не живет ни-

кто. Я хочу, чтобы он нашел там какую-нибудь необычную ерунду, возомнил ее душой колоколов и внушил себе исцеление, чтобы ум его освободился от всякой глупости. Эта прогулка ему необходима, понимаешь?

Титрус молчал, глядя себе под ноги.

– Идем в Дом, поужинаем, сегодня новые повара демонстрируют свои способности. Если тебе хоть что-то не придется по вкусу, сразу всех разгоню, вот прямо тут же.

* * *

Грэм так неожиданно и резко остановился, что Захария невольно налетел на него. Затем юноша медленно, как во сне, упал на колени и – лицом в снег.

– Так, – Захария нагнулся, взял его подмышки и перевернул, – остановка в наши планы не входила.

Захария отер снег с лица парня и огляделся, раздумывая, что же делать. Затем поволок его в низину меж двух снеговых холмов, где могло быть чуточку теплее. Уложив Грэма на спину, Захария принялся непослушными пальцами расстегивать крепления своей куртки, намереваясь ее снять.

– Что ты делаешь? – подлетела Кара.

– Без движения он совсем замерзнет.

– Ты замерзнешь гораздо быстрее, а твоя куртка его не спасет.

– Хоть немного согреет.

– погоди, – решила́сь Кара, – я могу вот что сделать, влечу в него и буду греть изнутри.

– А не сожжешь?

– Нет, конечно. Открой ему рот.

Захария присел рядом, осторожно коснулся пальцами неподвижного лица Грэма с закатившимися глазами, потом сжал его скулы, размыкая твердые белые губы. Кара пару раз выплюнула огненные струи, освобождаясь от лишнего жара, затем вспыхнула ярко, ее лицо исчезло, остался только световой сгусток. Огненным дымком он полился в горло Грэма, подсвечивая его тело изнутри. Под светящимся Грэмом немедленно начал таять снег. Захария утоптал немного сугроб, снял мечи, положил их рядом и сел, прислоняясь спиной к гладкому стволу дерева. Ствол был настолько холодным, что его леденящее прикосновение ощущалось так явно, будто одежды не было вовсе.

– Не спать, – приказывал он сам себе, – нельзя спать... спать нельзя...

Но приятная теплая дрема так сладко убаюкивала, что сопротивляться ей не оставалось ни сил, ни желания.

* * *

Ужин удался на славу, новые повара расстарались. Но даже прекрасно приготовленные блюда не улучшили подавленного настроения Титруса. Вроде бы всё, что сказал Апрель,

было верным и вполне оправдывало его чудовищный поступок в Сенате, но на душе все равно было гадко. Если можно лгать в Сенате, значит можно все – а это путь к краху...

– Прекрасно, – Апрель допил вино и отставил кубок, – просто превосходно. Ты не обидишься, если я тебя оставлю?

Титрус отрицательно качнул головой.

– Хорошего тебе вечера, – улыбнулся на прощание Апрель, будто не замечая сумрачного вида Титруса.

* * *

Сквозь заволаживающую дрему Захария почувствовал гнилой запах чьего-то тяжелого хриплого дыхания, но он не мог пошевелиться, даже открыть глаза. Будто сквозь многочисленные слои плотной ткани парень слышал, как некто топчется рядом. Затем на него навалилась тьма, теплая тяжелая тьма.

* * *

Придя к себе, Апрель первым делом избавился от неудобных сенатских одежд, переделся и сразу же отправился в потайные комнаты. Коснулся выемки на раме, едва дождался, пока приоткроется небольшая щель, и протиснулся внутрь, обуреваемый страстным желанием поскорее до-

браться до зеркал. Он был уверен, что на этот раз все обязательно получится.

* * *

Розоватая дымка рассеялась, показав, что за глаза живут в диковинном разрезе. Тонкие, быстро вращающиеся вокруг своей оси иглы обозначали зрачки, белые глазные яблоки и черные белки. Обостренное сознание Грэма не имело ни рук, ни ног, ни головы, он не мог ни пошевелиться, ни отвернуться, он весь состоял из чувств и ощущений. Наблюдая за вращением игл-зрачков, парень забыл обо всём, что хотел спросить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.